

Инь Люмин опустил взгляд, его выражение лица оставалось неизменным, когда он переступил порог. В тот момент, когда он вошел, ослепительное зрелище едва не лишило его зрения.

Все пространство представляло собой кричащее сочетание золота и лазури. Стены были выкрашены в глубокий лазурный цвет, пол блестел тем же синим оттенком, даже шторы сохраняли эту монохромную гамму. В то же время ковер сверкал золотыми нитями, обивка дивана переливалась золотой тканью, а люстра над головой казалась отлитой из чистого золота. Это было, в буквальном смысле, воплощение выражения «золото и лазурь» — «цзинь би хуэй хуан» в материальной форме.

Сделав глубокий вдох, Инь Люмин спросил:

— Что это за место?

Шэнь Ло, который каким-то образом незаметно материализовался на золотом диване, изящными пальцами поворачивал бокал с вином.

— Это мое личное владение — внутреннее пространство книги.

Инь Люмин еще мгновение выдерживал визуальную атаку безвкусного декора, прежде чем внутренне вздохнуть. Затем он заметил нечто странное во внешности Шэнь Ло. Во время их первой встречи Шэнь Ло предстал перед ним как бледный голубой силуэт, эфемерная фигура без физической формы, но здесь, в этой гостиной, он обрел полную телесность. Его наряд тоже преобразился — уже не простой синий, а сложный фрак, расшитый чередующимися золотыми и синими узорами, которые каким-то образом выглядели еще более вычурно, чем убранство комнаты.

...Единственным спасением были безупречные, почти нечеловеческие черты лица Шэнь Ло, которые едва делали этот безвкусный ансамбль терпимым, а не откровенно нелепым.

— Где моя личная комната? — поинтересовался Инь Люмин.

— Игра предоставляет каждому игроку комнату, связанную с его собственным сновидческим сознанием, — объяснил Шэнь Ло, ставя бокал и поднимаясь. — Твоя неспособность получить доступ к своей указывает на одну фундаментальную проблему — у тебя вообще нет снов. — Он приблизился к Инь Люмину с явным интересом. — Удивительно. По всем законам, человек, лишенный снов, не должен сохранять сознание вообще.

Брови Инь Люмина слегка нахмурились.

— Разве не видеть снов — это так необычно?

— Не видеть снов и не иметь снов — совершенно разные вещи, — пояснил Шэнь Ло, теперь

стоя достаточно близко, чтобы его превосходящий рост позволял ему слегка смотреть сверху вниз на тонкие ресницы Инь Люмина. — Современные человеческие исследования снов все еще ограничены физическими законами, но истинное сновидение фундаментально связано с душой и сознанием. Те, кто считает, что им не снятся сны, просто забывают их при пробуждении или видят сны слишком незначительные, чтобы их заметить. Но полное отсутствие снов? — Он поднял два пальца, чтобы легонько коснуться скулы Инь Люмина. — Это указывает на отсутствие самого сознания. Так скажи мне — откуда берется осознание, которое сейчас со мной говорит?

Инь Люмин спокойно отстранил вторгающиеся пальцы.

— Вербального общения достаточно. Физический контакт не требуется.

Шэнь Ло рассмеялся и отступил к своему дивану, щелкнув пальцами.

— Твоя бессонница, вероятно, проистекает из этого безсновного состояния. И кроме вмешательства Игры, никакого обычного лечения не существует.

Медленно выдохнув, Инь Люмин спросил:

— Так что теперь?

— Учитывая твою похвальную работу по сбору первой записи в книге, я великодушно разрешу тебе использовать мое пространство, несмотря на твой... недостаток. — Шэнь Ло взмахнул запястьем, посылая слабый голубой свет в грудь Инь Люмина. — Отныне ты можешь открывать дверь по желанию, чтобы принимать посетителей или возвращаться в реальность.

Он слегка приподнял подбородок, явно ожидая благодарности.

Инь Люмин еще раз окинул взглядом вызывающую головную боль обстановку, прежде чем произнести:

—...Моя искренняя благодарность.

Шэнь Ло принял это с царственным кивком.

— Обычно игроки могут настраивать свои комнаты по своему вкусу — в конце концов, это их собственное пространство снов. Но внутренности книги — это исключительно моя прерогатива изменять. Если ты захочешь каких-либо модификаций... — Его тон ясно давал понять, что это было скорее разрешение на просьбу, чем открытое предложение.

Инь Люмин ответил сухо:

— Не нужно.

Осознав очевидную привязанность Шэнь Ло к текущей эстетике, Инь Люмин благоразумно воздержался от критики. Он потянул за рукав пижамы.

— Где здесь раздевалка?

Шэнь Ло сделал неопределенный жест.

— В том направлении.

Достав свою сумку и переодевшись обратно в спортивный костюм, Инь Люмин аккуратно сложил пижаму с военной точностью, намереваясь постирать ее позже. Когда он вышел, ранее пустая гостиная теперь кипела активностью.

Е Цинцин нежно держала свой плющ, беспокойно расхаживая.

— Брат Шэнь, разве в этом месте нет окон, выходящих на юг? Моей растительной душе нужен настоящий солнечный свет!

Рядом директор Цзян хмурился.

— Е Цинцин, сядь правильно! Неужели ты должна беспокоить нашего хозяина?

Затем пожилой мужчина слегка поклонился Шэнь Ло.

— Наши извинения, господин Шэнь.

Шэнь Ло великодушно махнул рукой.

— Не стоит беспокоиться.

Инь Люмин ошарашенно уставился на сцену, прежде чем спросить:

— Что вообще здесь происходит?

— Разве я не объяснил? — Шэнь Ло отхлебнул вина. — Это внутреннее пространство книги.

Осознание пришло — каждое существо, которое он собрал в книгу, естественно, будет

находиться здесь. Эта мысль заставила мышцы лица Инь Люмина дернуться.

В этот момент к нему подплыл букет огненно-оранжевых роз, их пламенеющие лепестки энергично махали. Инь Люмин ущипнул переносицу, вспомнив о высоком интеллекте Пламени Ярости и Сожаления.

— Только ничего не поджигай, — предупредил он.

Огненные цветы испустили маленькое облачко дыма, прежде чем сжаться обратно в явной обиде.

Приближаясь к Е Цинцин и директору Цзяну, Инь Люмин замедлил шаг, раздумывая, как подступиться к их истинной природе. Девушка опередила его.

— Учитель Инь, директор Цзян и я уже понимаем нашу ситуацию.

Инь Люмин замер на полпути.

— Мы не настоящие люди... просто конструкции из сна Чу Дун, верно? — Е Цинцин наклонила голову, ее выражение лица помрачнело. — Это объясняет, почему у меня нет воспоминаний о семье или детстве.

Директор Цзян тяжело вздохнул рядом с ней.

— Но не волнуйся! — Е Цинцин внезапно просветлела, похлопав себя по груди. — Я приняла это! Здесь, в пространстве книги — это правильный термин, да? — у меня есть своя собственная комната, которую можно настроить! Больше никаких экзаменов! Я наконец-то могу напечатать все эти драмы и романы!

Хмурость директора Цзяна углубилась.

— Независимо от обстоятельств, образование остается необходимым в твоем возрасте. Я подготовлю соответствующие учебные материалы.

Лицо Е Цинцин комично изменилось.

Зрелище чуть не заставило Инь Люмина улыбнуться. Поскольку это действительно было хранилище книги, его обитатели, живущие здесь, не представляли проблемы. По иронии судьбы, он осознал, что его собственная ситуация может быть более жалкой — в то время как каждая запись в книге наслаждалась персонализированным пространством, он оставался застрявшим в безвкусной гостиной Шэнь Ло.

Как будто читая его мысли, Шэнь Ло щелкнул пальцами. Новая дверь материализовалась на лазурной стене.

— Твои апартаменты.

Готовясь к худшему, Инь Люмин открыл ее, чтобы обнаружить совершенно пустую пустоту.

— Чья это была комната изначально?

— Моя, — признал Шэнь Ло, пожимая плечами. — Считаю, что теперь она твоя.

Понимая, что это должна быть первая страница книги, Инь Люмин экспериментально коснулся стены, представляя свою квартиру. Мгновенно появились изысканные обои, кожаный диван и кованые светильники — огромное улучшение по сравнению с атакой на хороший вкус во внешней гостиной.

Повернувшись, он обнаружил, что Шэнь Ло наблюдает за ним странно.

— Проблема?

— Ты не должен обладать правами на модификацию здесь, — задумчиво произнес Шэнь Ло. — Книга подчиняется только мне.

Инь Люмин поднял бровь.

— Мне вернуть как было?

— Не нужно. — Шэнь Ло отмахнулся. — Подарок остается подаренным. Что более важно... — Он создал игровой автомат еще одним щелчком. — Твоя награда за прохождение ждет.

Инь Люмин почти забыл — завершение Сна давало один приз. Когда он потянул рычаг, то спросил:

— Какие возможные награды существуют?

— Исключительные включают мгновенное исполнение желаний, жетоны дополнительной жизни или предварительную информацию о будущих снах. — Шэнь Ло усмехнулся. — Но большинство получают бесполезные безделушки, так что умерь свой—

Автомат прозвенел. В лотке для призов материализовалась светящаяся жемчужина.

Инь Люмин поднял светящуюся сферу между большим и указательным пальцами.

— Это? — Он повернулся и увидел лицо Шэнь Ло, застывшее в редком изумлении. — Господин Шэнь?

После продолжительной паузы Шэнь Ло произнес сквозь слегка стиснутые зубы:

— Это... Жемчужина Желания. Для немедленного исполнения желаний.

Инь Люмин моргнул. Джекпот с первой попытки?

Рассматривая нежное сияние жемчужины, он спросил:

— Значит, моя бессонница может быть вылечена сейчас?

Шэнь Ло с видимым усилием овладел собой.

— Этот экземпляр — базовый вариант — удовлетворяет только мелкие желания. Должно хватить для твоих нужд.

— Масштаб имеет значение?

— Система оценивает по потенциальному воздействию. Например, желание «удобных средств к существованию» затрагивает немногих, кроме тебя самого, требуя минимальной энергии. В то время как «самый богатый человек в мире» дестабилизировал бы мировые экономики, требуя огромных ресурсов.

Понимание пришло. Его лекарство от бессонницы должно было квалифицироваться как личное.

Инь Люмин изобразил искреннюю улыбку.

— Наше сотрудничество было кратким, но спасибо за твою помощь.

Усмешка Шэнь Ло содержала мало веселья.

— Готов поспорить, ты внутренне проклинаешь меня в любом случае.

Сжимая жемчужину, Инь Люмин подумал, что их контракт технически выполнен — он собирал записи в книге, пока не получил средство исполнения желаний. Жемчужина пульсировала,

когда система провозгласила:

[Игрок Инь Люмин, озвучь свое желание.]

— Вылечи мою бессонницу.

«...»

[Недостаточный уровень Жемчужины Желания. Запрос отклонен.]

Инь Люмин сжал жемчужину крепче. С каких пор бессонница считалась крупномасштабной?

Губы Шэнь Ло изогнулись.

— Похоже, наше сотрудничество продолжается.

Сделав успокаивающий вдох, Инь Люмин подавил свое разочарование. Годы лишения сна сделали обещанное лекарство заманчивым. Но кто знал, что система просто так откажет ему...

Его подозрительный взгляд в сторону Шэнь Ло вызвал невинное разведение руками. Повернувшись к Е Цинцин и директору Цзяну, Инь Люмин сменил тактику.

— У меня есть вопросы к вам обоим.

Центральная больница города Аньян — стационарное крыло

Чи Си колебался перед дверью палаты 7102, рука замерла в воздухе. Прежде чем он смог постучать, знакомый голос раздался позади него.

— Передумываешь?

Он в испуге резко обернулся и встретился взглядом с Инь Люмином, в глазах которого читалась легкая насмешка.

— Брат Инь?! — Чи Си не мог поверить собственным глазам. — Как ты здесь оказался?

Инь Люмин указал на цветочную корзину в своей руке:

— Я пришел навестить настоящую Чу Дун — и заодно повидаться с тобой.

Чи Си растерянно пробормотал:

— Как брат Инь догадался?

— Когда мы были в мире снов, я обратил внимание, что ты прекрасно ориентируешься в планировке и устройстве школы Аньян, поэтому предположил, что ты, вероятно, ее выпускник, — объяснил Инь Люмин. — Похоже, я не ошибся.

Чи Си покраснел:

— Прости, брат Инь, я не сказал только потому что боялся...

Инь Люмин улыбнулся и сделал успокаивающий жест рукой:

— Все в порядке, ты и так очень помог. — Он бросил взгляд в сторону палаты. — Почему не заходишь?

— Я... я немного нервничаю. Вдруг родители Чу Дун решат, что у меня плохие намерения... — Чи Си почесал затылок, смущенно добавив: — Я ведь не могу сказать, что познакомился с Чу Дун во сне, верно?

Инь Люмин рассмеялся, уверенно постучал в дверь палаты и вошел внутрь.

Чи Си на мгновение замер, но затем машинально последовал за ним.

В палате, помимо лежащей на кровати с полуприкрытыми глазами девушки, подключенной к капельнице, находилась лишь женщина средних лет, терпеливо очищающая апельсин от кожуры.

Увидев Инь Люмина и Чи Си, женщина насторожилась:

— Вы кто?

— Здравствуйте, вы мама Чу Дун? Меня зовут Инь Люмин, а это Чи Си, — представился Инь Люмин. — Чи Си — один из выдающихся выпускников школы Аньян. В этом году он приехал навестить свою родную школу и, узнав о произошедшем, решил навестить Чу Дун.

Мать Чу Дун все еще смотрела с подозрением, но немного ослабила бдительность:

— Благодарю вас.

Взгляд Инь Люмина перешел на Чу Дун.

Настоящая Чу Дун выглядела значительно более хрупкой и изможденной, чем в мире снов. Возможно, из-за длительного пребывания в коме, ее глаза казались тусклыми и лишенными блеска.

Она смотрела на Инь Люмина и Чи Си с едва уловимым проблеском узнавания, но в основном — с растерянностью и недоумением.

Инь Люмин услышал голос Шэнь Ло, неожиданно раздавшийся у него в ухе:

— Когда мир снов создателя сновидений полностью разрушается, большая часть воспоминаний о нем стирается.

Точно так же, как после пробуждения бывает трудно вспомнить детали сна.

Инь Люмин едва заметно кивнул в знак понимания.

В этот момент в палату вошел мужчина средних лет, отряхивая с одежды пыль, и с возмущением произнес:

— Это просто возмутительно! Заместитель директора Янь заявил, что ради репутации школы лучше сделать вид, будто ничего не произошло. Они хотят представить все так, будто тот мальчик устроил пожар, пытаясь украсть экзаменационные материалы, иначе—

Его голос резко оборвался, когда он заметил незнакомцев в палате.

— А вы кто такие?

Инь Люмин не успел ответить, как Чи Си, собравшись с духом, сказал:

— Дядя, я выпускник школы Аньян и пришел именно по поводу этого дела.

Лицо отца Чу Дун сразу потемнело:

— Слушайте сюда, будь ты хоть выпускник, хоть сам начальник управления образования — нам все равно! Мою дочь чуть не изнасиловали, и из-за этого погибли двое людей! Мы не оставим это просто так!

Он защищающе встал перед дочерью, а мать Чу Дун заняла позицию рядом с мужем, демонстрируя полную солидарность.

Инь Люмин не рассердился, а лишь улыбнулся:

— Напротив, мы как раз здесь, чтобы помочь Чу Дун добиться справедливости.

Родители Чу Дун в замешательстве переглянулись.

Выйдя из палаты, Чи Си заметно расслабился.

— Я консультировался с юристом. Учитывая показания Чу Дун, сохраненные матерью следы насилия на одежде и теле дочери, а также данные полицейского расследования, шансы на успешное завершение дела очень высоки.

Его лицо исказилось от гнева.

— Если бы Чу Дун не пролежала в коме два месяца после пожара, Янь Хан уже давно бы ответил за содеянное!

Инь Люмин улыбнулся:

— По крайней мере, справедливость лишь запоздала, но не исчезла совсем.

Он организовал профессиональную юридическую команду, которая вскоре должна была прибыть в Аньян для встречи с родителями Чу Дун.

Чи Си, со своей стороны, обратился к своему бывшему директору школы, теперь занимающему пост в управлении образования, и другим влиятельным лицам, чтобы пролить свет на это дело.

Отец Янь Хана, заместитель директора школы, имел сына в провинциальном управлении образования — это и было главной причиной безнаказанности Янь Хана. Именно они больше всего боялись огласки.

Двойной удар гарантировал, что на этот раз семья Янь не сможет замять дело.

Чу Дун твердо стояла на своем, отвергая любые попытки примирения, и Янь Хан неизбежно должен был предстать перед судом.

Чи Си с восхищением посмотрел на Инь Люмина:

— Брат Инь, как тебе удалось так быстро собрать команду юристов?

— Просто связи, оставленные дедом, — скромно ответил Инь Люмин. — Пойдем, навестим Ци Сяобэя.

Они направились к могиле Ци Сяобэя, чтобы возложить цветы. На надгробии была изображена фотография застенчивого юноши — черно-белый снимок, разделяющий мир живых и мертвых.

Они также разузнали о судьбе родителей Ци Сяобэя. После гибели сына в пожаре мать Ци Сяобэя потеряла сознание, ее психическое состояние ухудшилось — теперь она половину времени пребывала в неадекватном состоянии. Отец, страдающий от болезни ноги, ухаживал за женой, не имея достаточного образования и возможностей для борьбы, молча принял версию школы и едва сводил концы с концами.

После завершения суда семья Ци должна была получить значительную компенсацию, что немного облегчило бы их тяжелое положение. Хотя, если бы у них был выбор, они, без сомнения, предпочли бы по-прежнему жить в бедности, лишь бы их сын остался жив.

Инь Люмин достал жемчужину, полученную в качестве награды, посмотрел на фотографию Ци Сяобэя и тихо произнес:

— Это желание... я дарю тебе.

Воскресить Ци Сяобэя они не могли, но хотя бы сделать так, чтобы его родителям не пришлось влачить жалкое существование до конца своих дней — это было в их силах.

В завершение они нанесли визит семье директора Цзяна.

Именно тогда они узнали, что господин Цзян уже давно не занимал пост директора — он настойчиво требовал от школы принять меры против Янь Хана и его отца, заместителя директора, но руководство учебного заведения подавило его протесты, лишило должности и перевело на самую непрестижную ставку — учителя информатики.

Янь Хан даже угрожал дочери Цзяна, которая училась в начальных классах, вынуждая директора «держат язык за зубами». Переполненный негодованием, но не имея возможности его выплеснуть, Цзян мог лишь тяжело вздыхать и, помимо того что старался больше заботиться о Ци Сяобэе, ничего больше не предпринимал.

Инь Люмин познакомился с дочерью Цзяна по имени Цици.

Хотя Цзян Цици была еще ребенком, она явно многое понимала. Сидя на пластиковом стульчике и крепко обнимая свой школьный рюкзак, она безучастно смотрела на фотографию отца в рамке, стоявшую на столе.

Инь Люмин задумался, затем, воспользовавшись тем, что Чи Си беседовал с женой Цзяна, отправился в ванную комнату и приложил палец к книге.

Мысленно произнеся «Освободить», он увидел вспышку света, и перед ним действительно материализовалась фигура директора Цзяна.

Однако в реальном мире Цзян, как и Шэнь Ло, представлял собой полупрозрачный призрачный силуэт.

— Господин Цзян, не хотите ли повидаться со своей семьей? — спросил Инь Люмин.

Директор Цзян замер у двери ванной, нерешительно глядя на своих родных, и его обычно строгое, квадратное лицо выражало растерянность.

После продолжительной паузы он наконец вздохнул:

— Я не являюсь настоящим и, возможно, был далеко не идеальным мужем и отцом. Лучше не надо.

Как раз в этот момент из гостиной донеслись обрывки разговора.

— Лао Цзян всегда был упрям как осел, если уж что задумал — ни за что не свернет с пути. Я-то думала, что неприятности с начальством — это самое страшное, что может случиться...

Чи Си почтительно спросил:

— Вы не держите на него зла? Ведь господин Цзян...

— Я не злюсь, — голос госпожи Цзян звучал мягко, но в нем явственно ощущалась внутренняя сила. Она горько усмехнулась: — Мы с Лао Цзяном — одного поля ягоды. Окажись я на его месте, я бы точно так же, не раздумывая, бросилась в бой. Когда мы только познакомились, все говорили, что мы как две стальные балки, скрученные воедино.

Она сделала паузу, нежно погладила дочь по волосам, и уголки ее глаз покраснели.

— Мне невыносимо больно, но я им горжусь.

Директор Цзян опустил голову, снял очки и вытер пальцем наворачившиеся слезы, после чего превратился в поток света и бесшумно вернулся в книгу.

<http://bllate.org/book/13213/1177671>